

АРХИВ

Ю.В. ДОЙКОВ МАТЕРИАЛЫ О М.М. КОВАЛЕВСКОМ В АМСТЕРДАМСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ИНСТИТУТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Наряду с отечественными архивохранилищами в Москве и Санкт-Петербурге, одним из главных центров, содержащих материалы о Максиме Максимовиче Ковалевском (1851–1916), является амстердамский Международный институт социальной истории. Для биографов знаменитого русского социолога эти материалы бесценны. Они находятся в фонде «Общества охранения русских ценностей» (АССР) в коллекции семьи Ковалевских.

Условно все материалы о М.М. Ковалевском можно разделить на четыре группы: 1. «Воспоминания» М.М. Ковалевского; 2. Письма М.М. Ковалевскому от российских и иностранных коллег-ученых; 3. Деловые бумаги, связанные с продажей имения в Харьковской губернии и удочерением дочери С.В. Ковалевской; 4. Письма М.М. Ковалевского С.В. Ковалевской.

Скорейшего опубликования в России требуют воспоминания М.М. Ковалевского, написанные им незадолго до смерти. Это хорошо понимали в эмигрантских научно-общественных кругах. Недаром один из ведущих журналов эмиграции «Возрождение» (Париж) опубликовал ряд пространных фрагментов из этих мемуаров. Несколько публикаций было в нью-йоркском «Новом журнале», а выдержки из «Воспоминаний», связанные с посещением США, переведены на английский язык и опубликованы в ведущем американском руссиеведческом журнале «Russian review». В СССР со значительными купюрами опубликованы фрагменты из «Воспоминаний», относящиеся к периоду после 1905 г. (История СССР. 1969. № 4–5).

Е.В. Спекторский в статье в «Encyclopedia of the social sciences» (vol. 8) отмечает, что М.М. Ковалевский оказал значительное влияние на все научные дисциплины, в которых работал, но не оставил школы. Если под школой понимать нечто узкое, субординационное, то, возможно, это так... Но «ни одна аудитория Московского университета не ввещала желающих его слу-

Дойков Юрий Всеволодович – кандидат исторических наук. Адрес: 163051 Архангельск, пр-т Дзержинского, д. 7, к. 1, кв. 84. Телефон: (8182) 26–68–97. Исследование проводилось при поддержке фонда им. Льва Ланде (Нидерланды).

шать. Читал в актовом зале»; «умирал, как и жил, прежде всего учителем»; «русский народ, конечно, не знал Ковалевского, но русская интеллигенция редко кого так любила, он был для нее не профессором Ковалевским и тем более не членом Государственного совета, а Максимом Максимовичем» [1].

Туган-Барановский, которому принадлежит последняя цитата, сказал: «Со времени смерти Л. Толстого русское общество не переживало такой крупной потери» [1]. За гробом М.М. Ковалевского от Моховой, 32 до Александроневской лавры шли десятки тысяч людей, несли сотни венков, над могилой произнесли речи П.Н. Милоков, Ф.И. Родичев, академик В.М. Бехтерев.

Питирим Сорокин, восходящая звезда опальной российской социологии, от имени учеников сказал: «Любите истину и никогда ни за что не уступайте ее» – вот то, чему учил нас Максим Максимович... И мы, ученики его, прощаясь навек с дорогим для нас учителем, не забудем этой заповеди, которую сам Максим Максимович ни разу в жизни не нарушил» [2, с. 222]. Даже если бы М.М. Ковалевский имел одного такого «ученика», как П.А. Сорокин, ставшего классиком социологии XX в., то можно считать, что «школа» М.М. Ковалевского состоялась... Это уникальная школа российской интеллигенции, последние представители которой сошли со сцены в 1960-е¹. Именно в этом значении мы и понимаем термин «школа»². Чтобы понять, что такое «школа Ковалевского», надо ощутить воздух эпохи, чаяния русской студенческой молодежи.

Царская власть изгоняла с кафедры и из страны М. Ковалевского и П. Милокова, запрещала лекции Владимира Соловьева, но, как пишет студент той поры: «Не разбираясь в научной ценности профессоров, их политических программах, юные, почти дети, мы определяли их какие-то особенным внутренним чутьем и шли за изгнанниками в Народный университет имени Шанявского, шли слушать князя Р.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева и других, шли улавливать их особый тон, особую сердечность, – шли не только за научной истиной, но и «за движением общества и страны» [3].

В предисловии к мемуарам М.М. Ковалевский писал: «О себе самом я говорю немного... я живу под свежим впечатлением внезапно развернувшихся событий, а они развиваются с головокружительной быстротой. Чудится наступающий упадок вековой культуры. Не пора ли припомнить, чем была эта культура в разных странах, в которых мне пришлось жить по годам? Не время ли также показать, в какой степени односторонность или недостаток

¹ Последним, вероятно, был историк С.Г. Пушкарев. Университетское образование получил в дореволюционной России. Умер в 1984 г. в США.

² П.А. Сорокин в "Contemporary sociological theories" (1928) трактует понятие школы как группы, могущей быть разделенной во времени и пространстве, но с общим подходом, теорией или методом, даже если представители этой группы никогда не контактировали. Сам П. Сорокин завету своего учителя следовал всю жизнь. Упомянутый выше С.Г. Пушкарев окончил Харьковский университет (alma mater Ковалевского), был разделен с Ковалевским "пространством", но под сорокинское и наше понимание школы подпадает.

самой этой культуры и подготовили тот ужасный катаклизм, среди которого погибнет Европа?» [4, л. 1]³.

В написанных за два года до смерти воспоминаниях ему было что вспомнить и сказать. Структурно воспоминания разбиты на десять глав:

1. Детство и юность. Семья и школа. Университет. Первые странствия.
2. Прага и Вена. Берлин.
3. Париж и Лондон.
4. Московский университет в 70-х годах прошлого века⁴.
5. Поездка на Кавказ.
6. Преподавание в Стокгольме, Оксфорде и Париже. Научные работы в Бюлье и летние странствия по архивам и библиотекам.
7. Поездки в Америку.
8. Опять на родине. Земские съезды. Редактирование газеты «Страна». Государственная Дума 1-го призыва.
9. Пять лет, проведенные в Государственном Совете.
10. Война 1914 и 1915 гг. Ее действительные причины. К психологии германского народа во время войны.

Три первые главы (169 машинописных страниц) – сведения из первых рук о становлении М.М. Ковалевского как человека, учёного, гражданина, о его alma mater (Харьковском университете). Ковалевский писал: «Даже для специальности необходима возможно широкая общая подготовка. Она особенно нужна там, где, как в России, средняя школа оставляет значительный пробел. Харьковский университет оказал мне ту услугу, что позволил мне заполнить эти пробелы, дал мне направление для моей дальнейшей деятельности. И это, пожалуй, более воспитательное, чем общеобразовательное влияние, я сохранил о нем добрую память» [4, л. 60].

Учителем (в высшем смысле этого слова) М.М. Ковалевского в университете был Д.И. Каченовский. После пребывания за границей Д.И. Каченовский вернулся в Россию и начал преподавать в Харьковском университете. Несколько страниц воспоминаний Ковалевского посвящено учителю: «Он воспитал длинный ряд поколений в идеях гражданского равенства, публичной свободы, народного самоуправления» [4, л. 60]. «Один только душеприказчик Каченовского – Григорий Николаевич Вырубов – пошел дальше Каченовского в понимании того, чем был для нас Герцен, провозгласив его нашим Вольтером, то есть воспитателем целых поколений, а не ограниченным временем и пространством политиком – вождем партии» [4, л. 60]. «Каченовский умер на моих руках. Я провел с ним последний день его жизни. С Каченовским исчез человек, в значительной степени определивший мою дальнейшую судьбу, – зародивший во мне первые семена политического свободомыслия, давший мне сведения о конституционных порядках западноевропейских стран, вызвавший во мне желание по-

³ Воспоминания надиктованы М.М. Ковалевским на австрийском курорте Карлсбад, где его застало начало первой мировой войны. Будучи интернирован, он имел массу свободного времени...

⁴ См. также [5, с. 484–506]. Перепечатано с сокращениями из "Вестника Европы" (1910, с. 178–221). В АССР 4-я и 5-я главы отсутствуют, так же как и начало 6-й главы с рассказом о преподавательском дебюте в Стокгольме.

святить себя проповеди тех начал гражданской свободы, местного самоуправления, народного [слово неразборчиво], он так умело излагал в своих лекциях об английской конституции» [4, л. 61]. М.М. Ковалевский был оставлен при Харьковском университете для получения профессорского звания уже после кончины учителя, но по его рекомендации. Представляет интерес его ремарка, касающаяся «оставленных», которых ему приходилось встречать за границей: нечасто оставленные при университетах в России могли повторить гордые слова Чацкого: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

В 1872 г., после окончания университета, в возрасте 21 года, М.М. Ковалевский уехал за границу. Слушал лекции в Берлине, Париже, Лондоне. «Моя умственная жизнь была особенно деятельна в годы ученичества в Лондоне и Париже, то есть между 23 и 30 годами жизни, когда были намечены почти все темы, которые я разрабатывал и разрабатываю по настоящее время» [4, л. 179].

В Париже М.М. Ковалевский некоторое время занимался в Ecole des Chartes. П.Г. Виноградов отмечал впоследствии в некрологе, что М.М. Ковалевский «не усвоил себе строгой техники в издании и критике источников, которой школа главным образом обязана своей славой – кропотливая работа, точная до мелочей, была несвойственна нашему ученому, стремившемуся скорее к широким обзорам и обобщениям социологического характера, однако близость к одному из главных очагов французской эрудиции внушила Ковалевскому на всю жизнь интерес к первоисточникам и стремление знакомиться с сырым материалом из первых рук» [6, с. 1170].

Сам М.М. Ковалевский писал в воспоминаниях: «Моя литературная и научная жизнь не раз встречала ожесточенных противников, и нигде более, как в России, меня упрекали в легкомыслии, верхоглядстве, «импрессионизме» [4, л. 178]. Интересная деталь: этот «недостаток» впоследствии отмечали и у ученика М.М. Ковалевского П.А. Сорокина его оппоненты в России и за границей⁵.

Значительное место в «Воспоминаниях» уделено пребыванию в Лондоне (160 листов), а также в Бельгии (39 листов). М.М. Ковалевский был среди первых иностранных профессоров, приглашенных читать лекции в эту страну: «За мои 16 лет заграничной жизни столица Бельгии сделалась мне до некоторой степени родной» [4, глава «Брюссель»]. Считается, что на бельгийскую социологию оказали влияние германская, французская и англосаксонская школы; она оформилась как независимая школа в процессе дальнейшего развития.

Бельгийский институт социологии был создан в 1902 г. на деньги крупного бизнесмена Эрнеста Сольвея (1838-1922)⁶. Из воспоминаний М.М. Ковалевского

⁵ Отметим, что в постсоветской Сорокиниане наблюдается противоположный крен. Если в советские времена он был "любимым" объектом критики, то теперь личность и труды выдающегося ученого преподносятся некритично. См., например, [7]. Составители этого издания републиковали ряд положительных рецензий на "Систему социологии". Рецензия же В. Мякотина, давшего уничижительный отзыв на этот труд П. Сорокина, в данное издание не вошла.

⁶ Об истории Сольвейского института см. [8].

видно, что он стоял у истоков институцирования бельгийской социологии: «Бывая в Брюсселе, я стал посещать общество Сольвея, так как в нем принимали участие самые близкие мне люди. Сольвей ... имел свою гипотетическую систему решения социального вопроса. В общество вошли Дени, Гильом, Де-Греф, Вандервельд». Де-Греф – ректор нового Университета, автор многих книг по социологии и экономике. Красочно и подробно описал М.М. Ковалевский своего друга, знаменитого Э. Вандервельде [4, глава «Брюссель»].

Значительный интерес представляют последние главы воспоминаний, где М.М. Ковалевский описывает свою общественно-политическую деятельность в России после возвращения из-за границы в 1905 г. Эта важная тема фактически до сих пор остается вне поля зрения современных исследователей⁷. М.М. Ковалевский основал либеральную партию демократических реформ, партийную газету, был избран в первую Государственную Думу, а затем, в 1907 г., как представитель университета – в Государственный Совет, где стал лидером небольшого либерального меньшинства.

Один из учеников Ковалевского по Петербургскому университету, Макс Лазерсон (1887-1951), так же, как П.А. Сорокин, Е.В. Спекторский и многие другие, оказавшийся в эмиграции, отмечал такой аспект в многогранной деятельности М.М. Ковалевского: «Количество речей в Государственном Совете, в которых Ковалевский обращается к Соединенным Штатам как к модели, необходимому прецеденту или источнику важной информации, изумительно. Тщательное изучение стенографических отчетов Совета с марта 1907 г. до марта 1916 г., когда он умер, показывает упоминание Соединенных Штатов в связи с совершенно разными областями: конституционное право, самоуправление, включая земства, конституционные права и автономия Финляндии, уголовное судопроизводство, отсрочка приговора, местное судопроизводство, аграрная реформа и защита русской деревенской общины, экспансия России в Приморье, Амурском регионе и на границе с Манчжурией, подоходный налог, контракты в нефтедобывающей отрасли, реформа экономики, технология русской железнодорожной системы, порто-франки и таможенные пошлины, программа курсов при университете и даже такие абстрактные предметы, как академическая свобода и свобода религии. Когда мы читаем его речи о расширении земского самоуправления в Сибири, взаимосвязи между политическим сознанием, местной культурой и плотностью населения, иллюстрированные примерами колониальной Америки и Соединенных Штатов, то чувствуем, будто находимся на потрясающе богатой лекции, построенной на сравнительном экскурсе в прошлое Америки и России...» [10, р. 384-385].

Один только этот аспект деятельности М.М. Ковалевского требует тщательного изучения и осмысления. Иногда кажется, что его воспоминания написаны применительно к современной России: «Представительный строй, особенно при тяготении к парламентаризму, возможен только при условии

⁷ Почти вся, не столь уж и малочисленная, литература о М.М. Ковалевском представляет его только как ученого. Отметим в связи с этим работу Н.Б. Хайловой, где рассматривается политическая деятельность М.М. Ковалевского в качестве одного из лидеров партии демократических реформ [9].

резкого противоположения правительства и оппозиции» [11]. «Русским политическим деятелям чуждо еще представление о том, что единственным истолкователем мысли главы государства должны быть члены правительства или Совета Министров» [12].

В «Воспоминаниях» даны портретные зарисовки многих видных деятелей России того периода. Много страниц посвящено С.Ю. Витте, неославянскому движению в России, вызванному приездом в К. Крамаржа, деятельности Санкт-Петербургского «Общества мира», представителем которого был Ковалевский.

В фонде АССР хранятся письма к М.М. Ковалевскому от В. Грабаря (30.01.1899), И.В. Гессена (24.4.1902, СПб); Анны Митрофановны Аничковой (б. м., б. д.), В.М. Соболевского (три письма от 25.06, 29.08, 7.10.1901 г.), П.Г. Струве (26.11.1901, Мюнхен; 11.03.1902, Монтре; 18.10.1902, Штутгарт), а также профессоров: А.С. Ященко (19.06.1907, Ставрополь), Н.А. Гредескула (28.04.1902, Харьков), М.П. Ясинского (15.09.1903, Киев), А.Д. Градовского (23.02.1876, СПб), А. Лаппо-Данилевского (02.05. б. г., Рим), М.В. Бернацкого 02.06.1910, СПб), А.П. Пыпина (11.11. и 12.12.1983, СПб; 23.11.1884, СПб), Е.В. Аничкова (б. м. и д.), В.Д. Дерюжинского (13.03, 23.03.1895, Юрьев), Н.И. Кареева (7.01.1962, Париж; 16/30.03.1692, СПб; 10/23.11.1902, СПб; 16.01.1903, СПб) [12].

Насколько нам известно, письма никогда не публиковались, и вслед за «Воспоминаниями» Ковалевского необходимо обнародовать эти человеческие и исторические документы. «Штутгартский рыцарь» П.Б. Струве (как назвал его Ричард Пайпс) писал М.М. Ковалевскому:

«Многоуважаемый Максим Максимович, не имея чести лично знать Вас, позволяю обратиться к Вам по следующему поводу. Уже давно у меня возникла мысль о желательности создания за границей солидной нейтральной (беспартийной) библиотеки музея, хранилища книг и периодических изданий о России, как на русском, так и на других языках. Желательно, чтобы это дело было поставлено сразу, если не широко, но солидно. Я слышал, что бельгийский деятель Solvay задумал в Брюсселе основание социального музея. Нельзя ли было бы создать библиотеку Rosica, как отделение этого музея? И самое главное: в какой форме Вы согласились бы принять участие в пропаганде и осуществлении мною вышеназванной идеи? Согласились бы Вы – если удастся получить согласие на основание русской библиотеки при Брюссельском musée Social — написать вместе со мной соответствующие обращения для напечатания в русских газетах? Пишу Вам из Германии, но на днях отправляюсь обратно в Россию, куда просил бы направить мне ответ. С искренним уважением. Готовый к услугам П. Струве. Адрес мой: СПб. Знаменская, 15. Петру Бернгардовичу Струве [13].

Профессор М.В. Бернацкий, будущий министр финансов в правительствах А.Ф. Керенского, А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, хлопотал перед М.М. Ковалевским за будущего известного большевика, а в 1910 г. студента Технологического института Георгия Сафарова: «Это почти мальчик. Арестован по подозрению в принадлежности к социал-демократам. Принято решение выслать его под негласный надзор полиции на 2 года в Вологодскую губернию. Думаю, что его вина лишь в том, что читал рабочим лекции (ле-

гально) по политической экономике. Все его интересы в области научной. Он стоит заступничества. Не представляю, как этот хилый и неокрепший мальчик перенесет это путешествие. Может, сможете повлиять на Столыпина?» [14]. Через 12 лет этот «почти мальчик» говорил на пленуме II-й Василеостровской районной партийной конференции в сентябре 1922 г., когда ВКП(б) приступила к решительной «чистке» Университета: «В указаниях товарищей было много истины. Кафедры, которые нужно заменить в первую очередь, – это кафедры гуманитарных наук. Нужно изгнать из наших факультетов старых и обветшалых мракобесов вроде профессора Карсавина...» [15, л. 7, об.].

Редактор «Русских ведомостей» В.М. Соболевский писал: «Прощайте, дорогой Максим Максимович, счастливо оставаться вне пределов отечества, куда теперь возвращаюсь с таким чувством, с каким спешат к труднобольному, боясь того, что застанут. ... Л., как видите, уже в подмосковной слободе. Вене, завтра еду дальше» [16].

Десятки писем М.М. Ковалевскому сгруппированы по папкам с надписями: «Итальянские ученые, общественные и политические деятели», «Французские ученые, общественные и политические деятели», «Английские ученые, общественные и политические деятели». В папке «Varia» письма из США, Канады.

Отметим, что сразу после смерти М.М. Ковалевского Питирим Сорокин, который последние шесть лет был его секретарем, опубликовал статью «М.М. Ковалевский и его западные друзья» («Биржевые ведомости» 30 апреля (13 мая) 1916 г.), в которой писал: «Можно немало рассказать о западных друзьях Ковалевского. Когда-нибудь биографы и историки расскажут об этой хорошей и интересной странице нашего научного и социального общения с Западом».

Значительный интерес для биографов М.М. Ковалевского и С.В. Ковалевской и историков российской науки представляет переписка двух выдающихся ученых. Эта переписка позволяет понять сложность их личных взаимоотношений. Как писал один мемуарист о М.М. Ковалевском: «Любитель женского общества, женственности, в тургеневском духе, он был в отношении женщин старомодным рыцарем: ни слова лишнего, ни шуточки фривольной. В этом вопросе он был невероятно застенчив. При любимой женщине, должно быть, немел» [17, с. 225]. Известно, что в юности М.М. Ковалевский любил Екатерину Павловну Леткову, но между ними не было произнесено нужных слов. Они проводили время в спорах о «меньшем брате» и «общем благе» и прошли, как это часто бывает в жизни, мимо счастья [17]. Ценность данной переписки для «истории сердца» М.М. Ковалевского уникальна еще и тем, что в воспоминаниях эту сторону своей жизни автор вовсе не затронул.

Завершая краткий обзор материалов о М.М. Ковалевском в фонде архива Общества охранения русских культурных ценностей Амстердамского Института Социальной истории, следует отметить, что часть архива общества в свое время не была передана в II SH и осталась в Париже. Вполне возможно,

что там могут находиться и другие материалы, открывающие новые, пока неизвестные нам аспекты его бурной жизни и многогранной деятельности⁸.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковалевский М.М.* Ученый государственный и общественный деятель и гражданин: Сб. статей. Пг, 1917 г.
2. *Вилч В.* Умер М.М. Ковалевский // Вестник знания. СПб, 1916 г. № 3.
3. *Сочивко С.К.* Шестая симфония // Памяти русского студенчества: Сборник воспоминаний. Париж, 1934.
4. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания // II SH (International Institute of the Social History) Amsterdam ACCR (Association pour la conservation des valeurs culturelles Russes – Общество охранения русских культурных ценностей). № 90. IV.
5. *Ковалевский М.М.* Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века: Личные воспоминания // Московский Университет в воспоминаниях современников (1755-1917). М.: Современник, 1989.
6. М.М. Ковалевский. Некролог. (Составлен академиком П.Г. Виноградовым и читан на заседании Общего собрания Императорской Академии Наук. 9 мая 1916 г.) // Известия Императорской Академии АН, 1916.
7. *Сорокин П.А.* Системы социологии. М.: Наука. 1993.
8. *Crombois J.F.* L'Univers de la sociologie en Belgique de 1900 a 1940. Bruxelles, 1994.
9. *Хайлова Н.Б.* «Партия демократических реформ»: Дисс. ... канд. ист. н. М., 1994 г.
10. *Laserson M.M.* The American impact on Russia diplomatic and ideological 1784-1917. The Macmillan company. NY, 1950.
11. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания // II SH Amsterdam ACCR. № 90. VI. [Глава «Открытие Первой Госдумы»].
12. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания // II SH Amsterdam ACCR № 90. II. [Письма к М.М. Ковалевскому].
13. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания // II SH Amsterdam ACCR. № 90. II. [П.Б. Струве – М.М. Ковалевскому. 26.11.1901].
14. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания // II SH Amsterdam ACCR. № 90. II. [М. Бернацкий – М.М. Ковалевскому. 11.06.1910].
15. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания // II SH Amsterdam ACCR. № 90. II. [В.М. Соболевский – М.М.Ковалевскому. 7.20.04. Б. г.].
16. *Руманов А.* Штрихи к портретам: М.М. Ковалевский // Время и мы. Нью-Йорк–Иерусалим–Париж. 1987. № 95.

⁸ Особенно важно было бы найти материалы Русской высшей школы социальных наук в Париже и письма С.В. Ковалевской к М.М. Ковалевскому. В Амстердаме находятся только копии писем М.М. Ковалевского к С.В. Ковалевской.